

Василий ЛАНОВОЙ:

ВАЖНЕЕ ВСЕГО ИСКАТЕЛЬСКИЙ ДУХ

В ТЕАТРЕ имени Евг. Вахтангова закончился очередной спектакль, и началась наша беседа с заслуженным артистом РСФСР Василием Лановым.

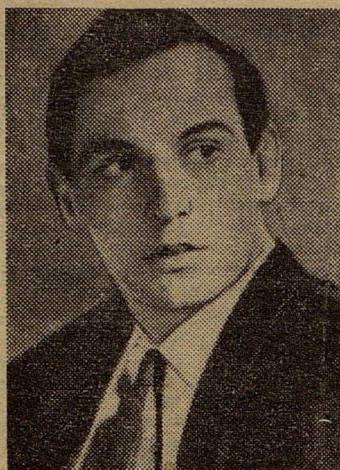
— Василий Семенович, несколько слов о вашем пути на сцену. Вы ведь начинали с народного театра!

— Да, и в очень большой степени моя судьба типична для советского актера. Вырос я в рабочей семье, отец — слесарь, мать — домохозяйка, и практически все детство у меня прошло в районе ЗИЛА. А в народный театр меня привел «роковой» случай: увидел афишу спектакля «Друзья из Питтсбурга» по М. Твену и пошел посмотреть во Дворец культуры ЗИЛА. Пошел... и остался. Руководил студией Сергей Львович Штейн (сейчас он работает в Театре имени Ленинского комсомола). Штейн «делал» из нас в первую очередь людей, а не актеров, прививал нам, еще детям, вкус к литературе, к искусству. Но с другой стороны, Татьяна Шмыга, Вера Васильева, Алексей Локтев, Игорь Таланкин вышли из нашей студии... Она была своеобразным лицом для нас. Мы все с благодарностью вспоминаем то счастливое время. И все же о театре я всерьез тогда не думал. Вот почему сразу после школы поступил в МГУ — решил стать журналистом, но в это время понял, что не смогу, нет призвания. А после того как снялся в фильме «Аттестат зрелости», стало ясно — только театр. Ну, а потом — Театральное училище имени Щукина и работа, работа, работа...

— В кинофильме по роману «Как закалялась сталь» вы сыграли Павку Корчагина. Прошло время. Появился новый фильм, новый Павка. Как сейчас вы оцениваете свою прошлую работу?

— Павка Корчагин был моей второй крупной ролью в жизни и первой — по своему огромному социальному значению. Это самый счастливый период в моей жизни. Счастье, что мне в таком возрасте встретился Павка, встретился не литературно, а близко, братски, что я жил тогда его мыслями, чувствами, его восприятием мира. Роман Островского — это, на мой взгляд, камертон истинно ленинского служения коммунистической идее. Каждое новое поколение обращается (и обязательно будет обращаться) к нему и сверяет свое мироощущение с этим чутким камертоном. И можно даже проследить некоторые закономерности: Павка и его сверстники строят узкоколейку под Бояркой, мое поколение осваивало целину, теперешнее строит БАМ — это продолжение узкоколейки в гигантских масштабах, это чистое корчагинская стройка, где не приживаются нытики, хлюпики, тщеславцы. Павка делает свое дело на БАМе.

Картина «Павка Корчагин» исполнится скоро двадцать лет. Разбирать художественные достоинства фильма не моя задача, но мне кажется, что о них в большой мере говорит долголетие фильма. Для меня же «Павка Корчагин» является в высшей степе-

пени гражданским университетом жизни.

— Роли и проблемы жизни. Есть ли соответствие между ними?

— Я считаю, что любая роль для любого актера — это прежде всего повод рассказать о сегодняшних проблемах, о сегодняшнем восприятии мира, будь то классика или современная пьеса. Роль получается тогда, когда сегодняшние боли идут из сердца актерского, когда стирается грань веков, когда актер играет кровью своего сердца! Ведь если, положим, я в «Антонии и Клеопатре» стану играть то, что волновало только Цезаря, то это никому не будет нужно. Животрепещущие проблемы жизни должны быть сплавлены с ролью — иначе нет искусства. Искусства для искусства сегодня не существует. И только тогда будет затронут зритель, и только тогда будет по-настоящему интересно играть актеру. И так в любой роли. Пьесу о войне, например, можно было сделать только лишь как спектакль-мемориал, посвященный тридцатилетию Победы. Но сила пьесы Корнейчука «Фронт» заключается в том, что, помимо этой святой темы, в ней можно затронуть извечную борьбу прогрессивного с отживающим. Важны не конкретные Огнев и Горлов, а конкретные Правда и Кривда, поиск истины в борьбе со всем остановившимся, с безрасчетностью, с безответственностью перед людьми и страной. Это дало искру. Жизнь и роль — взаимопроницающие понятия, и по-другому быть не может.

— Василий Семенович, в одном из прошлых своих интервью вы говорили, что считаете амплуа понятием устаревшим. Перечень ваших ролей достаточно красноречив: Павел Корчагин и Артур Грэй, Дон Жуан и Алексей Максимов, Цезарь и Тулин, Протасов и генерал Вольф. Считаете ли вы, что у актера не должно быть невозможных ролей?

— Вахтанговский актер должен уметь играть все — от высокой трагедии до водевиля. Так сказано у Вахтангова. Так учили меня Рубен Симонов, Евгений Симонов, Сергей Штейн. Это специфика вахтанговской школы. Если раньше в кино меня приглашали сниматься из-за определенных внешних данных, то в театре у меня было больше возможностей сыграть разноплановые роли. Здесь важнее всего искательский дух. В этом смысле неподра-

жаемый пример — Николай Сергеевич Плотников, который при минимуме внешних средств создает разные характеры. Так стал играть Михаил Александрович Ульянов — в «Дне-деньском», во «Фронте». Минимум внешних средств при создании полного образа — высший «пилотаж» актерской работы.

— Несколько слов о ваших коллегах по театру и кино...

— Это прежде всего Николай Сергеевич Плотников, блестящий актер, работа с которым доставляет величайшее наслаждение. Очень люблю играть с Юлией Борисовой, которая олицетворяет в себе высочайший профессионализм и благовоительное отношение к работе. Игра бок о бок с Михаилом Астанговым, с Рубеном Симоновым, с Ростиславом Пляттом — это удивительно счастливые минуты актерской судьбы. Надо заметить, что качества партнеров я оцениваю по тому, как в общении с ними раскрывается сам актер. Есть замечательные мастера, которые, к сожалению, играют только «на себя», и есть такие, которые в общем ансамбле актеров взаимно обогащаются, трудятся на пользу общего дела. Наслаждение играть с такими партнерами.

— Несколько лет назад вы начали выступать с литературными композициями по произведениям Пушкина, Маяковского... Что вас привело к этим концертам?

— Обращение к чтению не было неожиданным для меня. Читал всегда, только не хватало времени все это как-то оформить. Литературная композиция по стихам Пушкина, которая была создана в сотрудничестве с Александром Кайдановским и Адой Брискиндовой, называлась «Когда постиг меня судьбины гнев». В чтении таятся новые возможности для актера. В стихах Пушкина я нашел для себя новый, удивительный мир. Вот почему с удовольствием взялся за эту работу. Надеюсь выступить вторую пушкинскую программу, а также программу русской классики, очевидно, по произведениям Толстого, Тургенева (которого я, кстати, очень люблю), Бунина.

Однозначно о поэзии нельзя говорить. Поэзия — не только то, что написано, — это и сочетание с моим духовным миром, с моим мироощущением. Качество поэзии определяется тем, насколько богаче человек становится от общения с ней. Настоящая поэзия — каталлизатор, с помощью которого чувствуешь, что становишься лучше, добрее, гармоничнее. Когда в соприкосновении с поэзией духовно раскрепощаешься — тогда поэзия работает, и этим, наверно, можно измерить ее влияние. Люблю Тютчева, Ахматову, Пастернака. Блока люблю, но читать не берусь.

— Почему?

— Боюсь.

— Василий Семенович, знаю, что у вас есть мечта сыграть молодого Маяковского. Все же сыграть, а не прочитать!

— Пьесы нет... Потому пока только читаю Маяковского. А сыграть Маяковского — это наивысшее для меня счастье. Одно дело — читать, другое — играть. Что лучше? Не могу сказать. Иногда получаю редкое удовольствие от чтения, когда оно удается. Но ведь одно другому не мешает. Мхатовские актеры почти все и играли, и читали.

— Немного о ваших новых работах.

— Работа в спектакле «Фронт» по пьесе Корнейчука. Это главное. Еще я съехал в небольшой, но очень интересный роли маршала Гречко в фильме режиссера Юрия Озерова «Коммунисты». Вышел фильм «Анна и Командор» с моим участием... А пока читаю стихи...

Беседу вел
Наталья ГАЛИЧАЯ